

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 202; Шайтанов И.О. Литература Просвещения // Литература. 2000. № 36. С. 11.
4. Howe S. Wilhelm Meister and Kinsmen. Apprentices to life. 1970. 56 p.
5. Каган М. С. Морфология искусства. М.: Просвещение, 1979. 440 с.
6. Friedman N. Form and meaning in fiction. Athens, 1975. 420 p.
7. Hirsh M. The novel of formation as genre. L., 1979. V. 12. 350 p.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Просвещение, 1979. 423 с.
9. Влодавская И.А. Два портрета художников в юности // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе XIX-XX вв.: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1987. С. 35-55.
10. Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX вв. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1993. 144 с.
11. Hartog D. Dickens and romantic psychology. Basington, 1987. 177 p.
12. Лейтес Н.С. Роман как художественная система. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1985. 79 с.
13. Осипова Н. В. Роман воспитания. Балашов: «Николаев», 2001. 78 с.
14. Наумова О.А. Автобиографический роман воспитания в творчестве Ч. Диккенса и Ш. Бронте [Текст]: автореферат. М.: Просвещение, 1990. 16 с.
15. Hardey B. The moral art of Dickens. L., 1970. 315 p.

Сведения об авторе

Комардина Юлия Сергеевна – преподаватель кафедры английского языка Балашовского института Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, аспирант кафедры литературы.

Рабочий адрес: Балашовский институт Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Россия, 412300, г. Балашов, Саратовская обл., ул. Карла Маркса, 29, тел: 8-845-45-4-08-73. E-mail: bosska_@mail.ru

About the author

Komardina Yulia Sergeevna – an assistant professor of the English language Department of Balashov Institute of N.G. Chernyshevsky Saratov State University, a postgraduate of Literature chair.

Address: 29 Karl Marx st., 412300 Balashov, Russia, tel: 8-845-45-4-08-73. E-mail: bosska_@mail.ru

УДК 80 (811.111)
ББК Ш 80 (84)

Т.А. Корнеева

ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ МАРКЕР В РОМАНАХ Э. ТАН

В данной статье описывается национально-культурная детерминированность образного сравнения и рассматривается специфика его функционирования как средства познания действительности и закрепления результатов этого познания в языке.

Ключевое слово: образное сравнение.

Т.А. Korneyeva

FIGURATIVE SIMILE AS ETHNOCULTURAL MARKER IN AMY TAN'S NOVELS

The article describes the character of figurative simile, its dependence on national culture, and the specifics of its functioning as a mean of world cognition and reflection of the cognition results in language.

Key word: figurative simile.

Каждое литературное произведение воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира. Создавая художественный текст, автор ориентируется на закрепленные в той или иной культуре образцовые модели отражения действительности. Особый интерес для исследования представляют произве-

дения, созданные писателями, принадлежащими к двум культурным традициям. Взаимодействие разных национальных культурных традиций в рамках одного творческого сознания часто наблюдается в литературе XX в. и оригинально преломляется в художественных текстах. Это утверждение справедливо применительно к ро-

Literature

1. Mihalskaja N.P. Charles Dickens: the book for students. M: Prosveschenie, 1987. 238 p.
2. The Literature encyclopaedia of terms and concepts. INION the Russian Academy of Sciences. M: NPK «Intelvak», 2001. 234 p.
3. Bakhtin M.M. The Aesthetics of verbal creativity. M., 1986. P. 202; Shaitanov I.O. Literature of Education // Literatura. 2000. № 36. P. 11.
4. Kagan M.S. Morfology of arts. M: Education, 1979. 440 p.
5. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M: Prosveschenie, 1979. 423 p.
6. Vlodavskaja I.A. Two portraits of artists in youth // Problems of method and poetics in foreign literature of XIX-XX centuries: the interuniversity collection of scientific works. Perm, 1987. 35-55 p.
7. Pashigorev V.N. The roman of education in the German literature of XVIII-XX centuries. Saratov: publishing house of the Saratov University, 1993. 144 p.
8. Letes N.S. A roman as an art system. Perm.: The Publishing house of the Perm University, 1985. 79 p.
9. Osipova H.V. The roman of education. Balashov: «Nikolaev», 2001. 78 p.
10. Naumova O.A. The autobiographical novel of education in Ch. Dickens and S. Bronte works: the author's abstract. M: Prosveschenie, 1990. 16 p.

манам Эми Тан – китайки американского происхождения, яркого представителя азиатско-американского направления в современной американской литературе, которое возникло в 1960-х гг. и претерпевало бурное развитие в последующие десятилетия. Азиатско-американская литература отражает уникальный опыт эмигрантов первого, а чаще второго поколения, но в то же время представляет читателю неповторимый языковой материал, поскольку эти литературные произведения создаются писателями с двойной идентичностью. Будучи принятым в языковую и культурную среду, писатель-эмигрант сохраняет в своем сознании национально-культурные особенности родины предков.

Выражаемые в литературно-художественной форме знания автора о мире являются системой представлений, направленных к адресату. Как правило, авторское самовыражение проявляется сквозь призму концептов или художественных образов, под которыми может пониматься мировоззрение писателя, его предыдущий опыт, восприятие и отношение к миру. По мнению В.П. Белянина, «художественный текст представляет собой личностную интерпретацию действительности. Писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны; использует языковые элементы и метафоры, которые наполнены для него личностным смыслом. <...> картина мира, отображенная в художественном тексте, является структуризацией и вербализацией картины мира автора как личности, обладающей акцентуированными характеристиками» [1, 55].

Автор произведения, являясь представителем своей нации, разделяет ее представления об окружающем мире, которые складываются на основе процессов категоризации и концептуализации, ассоциирования и создания коннотаций, обладающими большим национально-культурным своеобразием. Но наряду с вышеперечисленными процессами в качестве способа познания мира и закрепления результатов этого познания выступает образность. В частности, в семантике образного сравнения отражается специфическое национальное видение мира. Следует заметить, что ведущим средством создания образности в произведениях Эми Тан является сравнение, возможно, потому, что оно может выступать как средство «характеристики явлений и предметов действительности и в значительной степени способствует раскрытию авторского мироощущения, выявляя субъективно-оценочное отношение писателя к фактам этой объективной действительности» [2, 184].

Образное сравнение – это не только способ представления эмоции и оценки говорящего (автора), но и сигнал для их обнаружения читателем. Обязательным условием для стилистического приема сравнения является сходство какой-нибудь одной черты при полном расхождении других черт. Более того, сходство, обычно усматривается в тех чертах, признаках, которые не являются существенными, характерными для обоих сравниваемых предметов (явлений), а лишь для одного из членов сравнения, что создает особый экспрессивный подтекст.

Этот эффект создается благодаря тому, что сближаемые в сравнении элементы мира помимо сходства, являются в значительной мере различными. Принадлежность объектов, сравниваемых в произведениях Э. Тан, к далеким сферам влечет за собой целый шлейф дополнительных ассоциаций, что не только увеличивает информацию, но и создает дополнительный экспрессивный эффект: чем дальше друг от друга в реальности сравниваемые объекты, тем ярче их экспрессия. В этом проявляются также и эвристическая функция сравнения: оно позволяет глубже и шире познать реалии мира, осмыслить их с самых различных сторон, подчас неожиданных. Обладая неограниченными возможностями в сближении самых разных предметов или явлений, сравнение позволяет по-новому осмыслить предмет, вскрыть, обнажить его внутреннюю природу. Такого рода сближение активизирует психическую деятельность реципиента (читателя и слушателя), создает эмоциональное напряжение внутри текста, строит образ, делая экспрессивным данный фрагмент текста.

Особый тип сравнения нового времени, представленный в романах Э. Тан, – это сравнения-метафоры, в которых наблюдаются нетривиальные отношения между двумя понятиями, иногда лишенные логики. При этом создается особая художественная реальность, а возможно, и символ реальности. Например, перенаселенность Китая, ежедневная борьба за пространство, транспорт, жилые помещения нашли свое выражение в следующем образе:

We have so many people. This is our life, always a crowded bus, everyone trying to squeeze in for himself, no air to breathe, no room left for pity [5, 227]. (*У нас так много людей. Наша жизнь напоминает переполненный автобус, где каждый старается протиснуться, нечем дышать, нет места для жалости*)¹.

Образные сравнения, к которым прибегает Эми Тан, зачастую ориентированы на реалии, тем самым передавая внешнее сходство сравниваемых объектов, делая объект наглядным, соз-

давая иллюзию реальности. Через сравнение с реалией создается новая внутренняя форма, привлекается внимание к отдельным деталям, что делает сравнение еще более экспрессивным и наглядным.

Образное сравнение может представлять несколько предложений, связанных по смыслу и грамматически. В романах Э. Тан представлены две разновидности таких сравнений:

1) развернутое, разветвленное сравнение-образ, в котором основное, исходное сравнение конкретизируется рядом других. Удачным представляется образ, созданный для описания проблемы «отцов и детей», проблемы трансляции китайской культуры от одного поколения другому, которые представлены как противоположные берега одной реки, навсегда разделяемые бурлящим потоком жизни:

When she was born, she sprang from me like a slippery fish, and has been swimming away ever since. All her life, I have watched her as though from another shore [3, 274]. *(Когда она родилась, она выпрыгнула из меня, как скользкая рыба, и с тех пор плавает где-то далеко. Всю ее жизнь я наблюдаю за ней, как будто с другого берега).*

2) развернутый параллелизм (вторая часть таких сравнений обычно начинается словом «just, so»): I looked at Peanut, still pouting, unable to speak, her anger blowing out of her nose. Hnh! Hnh! Just like a dragon whose tail had been stepped on [4, 167]. *(Я посмотрела на Пинат, которая до сих пор дулась и не могла разговаривать, потому что у нее от гнева раздувались ноздри. Она была похожа на дракона, которому наступили на хвост).*

В вышеприведенных сравнениях происходит обращение к образам, имеющим огромное значение в мифологии Китая (образ рыбы, образ дракона), что закономерно: одной из основных черт китайского сознания является его мифологизм.

В Китае рыба считалась символом духовной плодотворности, а позднее стала символом углубленной внутренней жизни, скрывающейся под поверхностью вещей, а также знаком поднимающейся жизненной силы. Например, образ пойманной в сеть рыбы передает внутренний мир героини, ее желание быть счастливой:

When he said that, I felt he had expressed the deepest wishes of my heart, that someday I too would be caught by happiness, like a fish in a net [4, 387]. *(Когда он произнес это, я почувствовала, что он выразил сокровенное желание моего сердца, что однажды я, как рыба, попаду в сети счастья).*

Поскольку основное назначение сравнения – это создать выразительный и наглядный образ, то обращение к данной реалии оправдано ее актуальностью для китайского народа, которая обусловлена не только мифологическими представлениями, но и реальностью бытовых условий.

Сравнения, в основе которых лежит образ рыбы, встречаются в романах Эми Тан для описания:

- семейных отношений: That evening and the next day she wouldn't speak to me. She would say stiff words to my father and brothers, as if I had become invisible and she was talking about a rotten fish she had thrown away but which had left behind its bad smell [3, 102]. *(В тот вечер и на следующий день она не разговаривала со мной. Она сквозь зубы разговаривала с моим отцом и братьями, как будто я стала невидимой и она говорила об испорченной рыбе, которую она выбросила, но от которой остался неприятный запах).*

- внешности: I pointed to a man spitting a long stream of bean-curd paste into a pot of boiling water. «He looks like a fish,» I said, «a fish in a fountain!» [4, 110]. *(Я показала на мужчину, выпускающего длинный ручей соевой творожной пасты в чан с кипящей водой. «Он похож на рыбу», - сказала я, - «на рыбу в фонтане!»).*

- окружающей действительности: He pointed to the dark wicker-woven fence that surrounded our house like a large fish steamer [5, 138]. *(Она показала на темный плетенный забор, который окружал наш дом, как большое рыбацкое судно).*

К тому же, рыба – это одна из первых ассоциаций, которые возникают у большинства людей при упоминании о китайской кухне. Тот факт, что подобные параллели порой возникают совершенно неожиданно, и, на первый взгляд, могут показаться слегка абсурдными, лишь подтверждает актуальность и универсальность данного образа для китайской культуры. В следующем примере при сравнении гор с огромными головами жареной рыбы присутствует определенный элемент непредсказуемости для представителей иных культур:

When I saw the hills, I laughed and shuddered at the same time. The peaks looked like giant fried fish heads trying to jump out of a vat of oil [4, 8]. *(Когда я увидела горы, я засмеялась и содрогнулась одновременно. Их вершины были похожи на головы гигантских жареных рыб, пытающихся выпрыгнуть из чана с маслом).*

Как известно, основу китайской национальной кухни составляют блюда из риса, самого распространенного и самого любимого продукта

в Китае, что также послужило источником создания образности в романах Эми Тан. Так героиня романа «The Hundred Secret Senses» пытается собрать нужную ей информацию, как будто «вымаливая тарелку риса, каждый раз по зернышку»:

I had to nudge him to get every piece of information, like begging for a bowl of rice one grain at a time [5, 240]. (*Мне приходилось вытягивать из него сведения, как будто я вымаливала по зернышку тарелку риса*).

Дракон также занимает центральное место в китайской мифологии. Он считается тотемом далеких предков китайского народа, древним символом китайской нации и началом ее культурного развития. По китайской мифологии дракон – повелитель водной стихии – дарил людям воду, щедро орошал поля тех, кто верно служил ему, защищал крестьян от неисчислимых бедствий. В иерархии китайских божеств дракон занимает третье место после Неба и Земли. Сравнение с этим мифологическим существом усиливает выразительность речи и является актуальным для китайского языкового сознания:

Already people in a stream as long as a dragon were pushing past the stands, puffing little clouds of cold breath [4, 267]. (*Люди, в потоке длиной с дракона, уже подвигались вдоль ларьков, выпускающие маленькие облачка холодного дыхания*).

Не менее популярен в мифологии Китая образ тигра, который является символом военной отваги. У китайцев не лев, а тигр – царь зверей, повелитель всех обитающих на суше животных. Когда он имеет символику ян, то в соответствии с китайской символикой занимает место льва на Западе и олицетворяет мужское начало, телесную силу, которая нужна ему как защитнику. Когда тигр изображается сражающимся с символом ян, небесным драконом, он становится земным олицетворением инь. Эти мифологические существа тесно взаимосвязаны: Дракон контролирует Тигра, который способен не только предоставлять защиту и покровительство, но и обрушивать свою ярость на людей. Образы Тигра и Дракона широко используются в искусстве Китая. Например, в 2000 г. был снят фильм «Крадущийся тигр, затаившийся дракон» («Crouching Tiger, Hidden Dragon»), снискавший в 2001 г. четыре премии «Оскар» и две премии «Золотой глобус». Примечательно, что фильм идет на китайском языке (победитель в номинации «Лучший фильм на иностранном языке»). Актриса Мишель Йео объясняет этот факт следующим образом: «Если бы мы делали фильм на английском, то кое-что было бы потеряно. Это

был самый простой выход». Несомненно, что при переводе данного фильма на другие языки возможна утрата национально-культурной специфики, которой обладают данные образы в китайской культуре.

В романе «The Joy Luck Club» обращение к образу тигра используется при описании окон квартиры, в которую героиня романа должна была вернуться после ссоры со своей матерью. Вместо приветливого света домашнего очага ее встречал взгляд хищника, высматривающего добычу:

The alley was quiet and I could see the yellow light shining from our flat like two tiger's eyes in the night [3, 102]. (*На аллее было тихо, и я видела желтый свет от окон нашей квартиры, которые горели как два тигриных глаза в ночи*).

Опора на реалии – один из способов оживления стершихся образов, внутренних форм, воскрешения их экспрессивности. Эти сравнения не просто реконструируют первоначальную образность, либо создают новую, они придают панарамность образу. Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют, насколько ассоциативно человеческое сознание. В нем находит соединение все, что воспринимается человеком посредством органов чувств и является результатом его мыслительной деятельности. Интересной представляется национальная специфика выбора образного средства (в данном случае – образного видения) для характеристики того или иного явления окружающей среды.

Наиболее ярко национально-культурное своеобразие языкового воплощения знаний человека о мире проявляется в образных средствах языка, реализующих в своей семантике уподобление различных объектов окружающего мира по принципу аналогии. При этом образное видение мира имеет лингвистическую и национально-культурную детерминированность, поскольку базируется на закрепленных в языковых единицах образах, общепринятых для определенной языковой культуры, связанных с мифологическими, религиозными представлениями нации, с социально-историческим, духовно-нравственным и практическим, бытовым жизненным опытом народа.

Литература

1. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.
3. Tan Amy. The Joy Luck Club. N.Y.: Ivy Books, 1989. 337 p.
4. Tan Amy. The Kitchen God's Wife. N.Y.: Ivy Books, 1991. 532 p.

5. Tan Amy. The Hundred Secret Senses. N.Y.: Ivy Books, 1995. 406 p.

Literature

1. Belyanin V.P. Psycholinguistic Aspects of Fiction. M., 1988.

2. Galperin I.R. Essays in Stylistics of English Language. M.: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 1958. 459 p.

Примечание

¹ Здесь и далее перевод построчный

Сведения об авторе

Корнеева Татьяна Анатольевна – старший преподаватель Ачинского филиала Сибирского федерального университета. Рабочий адрес: Ачинский филиал Сибирского федерального университета, 662153, Красноярский край, г. Ачинск, ул. Гагарина, 8, корп.1, E-mail: tatbobkova@rambler.ru

About the author

Korneyeva Tatiana Anatolievna – lecturer at Achinsk Branch of Siberian Federal University.

Address: Siberian Federal University, Achinsk Branch, 662153 Krasnoyarsky region, Achinsk, 8 Gagarin st, building 1, E-mail: tatbobkova@rambler.ru

УДК 811.111'37 (045)

ББК 81.432.1– 933

Н.П. Кудрявцева

ШИРОКОЗНАЧНАЯ НОМИНАЦИЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Статья посвящена анализу функционирования в английском разговорном субъязыке широкозначных субстантивных лексем. Основное внимание уделено рассмотрению широкозначной номинации как средства выражения субъективной модальности высказывания.

Ключевые слова: разговорный субъязык, широкозначная номинация, широкозначные субстантивные лексемы, субъективная модальность.

N.P. Kudryavtseva

WIDE-MEANING NOMINATION AND THE SUBJECTIVE MODALITY OF AN UTTERANCE

The article analyzes the functioning of nouns of wide meaning in the English colloquial sublanguage. The focus is on highlighting wide-meaning nomination as means of expressing the subjective modality of an utterance.

Key words: colloquial sublanguage, wide-meaning nomination, nouns of wide-meaning, subjective modality.

Исследование специфической области разговорного субъязыка, обслуживающего сферу обиходно-разговорного общения, обычно сводится к выявлению абсолютно специфических конститuentов данного субъязыка, встречающихся только (или преимущественно) в данном типе речевого общения на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях и дифференцирующих отдельные субъязыки. При выделении структуры специфической области разговорного субъязыка, как правило, исключаются из рассмотрения элементы, свойственные всем типам речи, т.е. нейтральные, поскольку они не являются стилистическими маркерами коллоквиальной субъязыковой отнесенности, а лишь конститuentами, обеспечивающими функционирование разговорного субъязыка как полноценной языковой системы. Между тем, полное описание нормального типизированного состава субъязыка требует учета всех его единиц – как абсолютно специфических, так и относительно специфических и нейтральных.

К числу особенностей разговорного субъязыка, обслуживающего сферу обиходно-разговорного общения, относится его тесная связь с ситуацией говорения, т.е. нелингвистическим окружением. Условия общения говорящих, прямой контакт со слушающим, поддержка языковых кодовых знаков жестами, мимикой – все это обуславливает функционирование в разговорной речи контекстуально зависимых слов, в частности, широкозначных субстантивных лексем, имеющих полиреферентный экстенционал [Архипов, 2008].

Широкозначные единицы, относящиеся к языковым универсалиям, представлены во многих языках. Ср. рус. – «вещь», «штука», «штуковина», «дело», «факт», «ерунда», «тип», «субъект», «человек», «люди»; англ. – thing, stuff, matter, affair, business, man, people, place, way; нем. – Sache, Ding, Leute; фр. – affaire, home, place.

Одной из особенностей речевой актуализации широкозначных лексем является их употребление в целях выражении субъективной мо-